

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Когда говорят о сирийской художественной литературе, почти всегда делают оговорку, что таковой в чистом виде не существует, что можно отмечать лишь отдельные беллетристические элементы в произведениях исторического, агнографического характера и др., что выделение художественных произведений из общей массы памятников сирийской письменности просто невозможно.

В настоящей статье будут рассмотрены три вида сирийских сочинений, относящихся к разным литературным жанрам, но составляющих своеобразный литературный триптих. С одной стороны — хроника Иешу Стилита, сочинение исторического плана, хорошо известное по работе Н. В. Пигулевской «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», с другой — агнографический рассказ о деяниях мучеников Гурия, Шамуны (и Хабиба) и, наконец, легенда о Евфимии,¹ представляющая сложное соединение элементов как первого, так и второго.

Хроника Иешу Стилита повествует о событиях из истории Месопотамии в V—VI вв.: бесконечные войны, эпидемии, землетрясения, неурожай, голод — вот испытания, выпавшие на долю населения этих областей. В значительной части это краткие погодные записи, содержащие лишь сообщения о событиях, однако часто от простой информации автор переходит к попытке изображения событий, и в этих случаях можно говорить о принадлежности отдельных отрывков к жанрам художественной литературы.

В начале хроники Иешу Стилит в нескольких словах сообщает о нашествии гуннов в ромейские земли «в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия находилась в их руках благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая».² Эта краткая запись относится к 707 г. (395/6 г. н. э.).

Из других источников известно, что Руфин пытался захватить престол Аркадия, и предательство его состояло в том, что он «призвал варварский народ гуннов в ромейские земли».³ Они завоевали страну ромеев

¹ Библиографию изданий, переводов и исследований текстов см. в кн.: В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Перевод с английского К. А. Тураевой. Под редакцией и с дополнениями П. К. Коковцова. СПб., 1902, стр. 31. A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, S. 28—29; Ignatius Ortiz de Urbina S. J. Patrologia syriaca. Romae, 1958, p. 98, 180, 191.

² Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 131.

³ Н. В. Пигулевская приводит в связи с этим свидетельства Сократа и Клавдиана. См.: Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. Палест. сборник, вып. 3 (66), 1958, стр. 79.

и двинулись дальше вплоть до Эдессы. На борьбу с гуннами были отправлены войска, состоявшие из представителей самых разных народностей, населявших обширные территории Византийского государства: греков, готов, коптов, сирийцев, армян и т. д. Непостоянная, плохо организованная армия эта представляла механическое соединение наемников, не имеющих ни малейшего представления о дисциплине. Они не раз заставляли государственные перевороты и вносили всякую смуту.⁴

О бесчинствах, творимых готами, которые расположились на постое в эдесских домах, Иешу Стилит не просто сообщает, а повествует с многочисленными и волнующими деталями, указывая, что и те, которые пришли в Эдессу под именем спасителей, чтобы помочь, разоряли и грабили почти так же, как враги. Это уже не простая хроникальная запись, в отличие от первого сообщения о нашествии гуннов, а живой художественный рассказ, живой особенно потому, что автор был очевидцем описываемых событий.⁵

Однако переход от простой информации к изображению событий — это лишь первый шаг на пути к художественной прозе, основной и важнейшей особенностью которой является ее сюжетность. Художественная проза повествует о событиях в жизни героя, развивающихся в течение определенного времени, причем совокупность событий, составляющих фабулу повествования, должна быть приведена в определенную систему — сюжет.⁶

Обратимся теперь к деяниям эдесских исповедников Гурия и Шамуны. Эти святые были широко популярны в среде сирийцев. Они считались покровителями Эдессы. В городе было два храма святых исповедников — один, построенный епископом Авраамом в 346 г. на горе за стенами города, и другой, более поздний — у западных ворот его.⁷

В одном из сирийских календарей, сохранившихся в рукописи Ватикана (Cod. Vat. syr. 37), память наших святых отмечается в один день с памятью царя Авгара, легендарного основателя эдесской церкви, прославившегося в предании своей перепиской с Христом.⁸

Деяния и добродетель святых воспеты самыми выдающимися из сирийских писателей этого времени — Ефремом Сирином (IV в.) и Иаковом Серугским (VI в.).

Культ святых сложился, видимо, вскоре после возведения храма.

Житие написано в традиционном стиле, характерном для этого рода литературы. Подробное описание канонической схемы жития — мучения дано исследователями на материале древнерусской и византийской литературы. «Эта схема слагалась обычно из следующих эпизодов: требование

⁴ Памятники византийской литературы, М., 1968, стр. 11.

⁵ Ярким примером такого художественного описания является рассказ о наводнении в Эдессе, изображающий трагическую картину огромного стихийного бедствия, включенный в анонимную Эдесскую хронику VI в. (Chronicon Edessenum. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, t. I, Romae, 1719, p. 390—393); Н. В. Пигулевская. Эдесская хроника. Палест. сборник, вып. 4 (67), стр. 88—90.

⁶ В. В. Кожин. Сюжет, фабула, композиция. В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. См. также: Я. С. Лурье. Введение. В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970; здесь дана полная библиография по данному вопросу.

⁷ Chronicon Edessenum, p. 395; о строительстве в Эдессе храмов святых исповедников сообщает также Эдесская анонимная хроника XIII в. в главе «О храмах, церквях и монастырях, построенных в Эдессе». См.: Chronicon civile et ecclesiasticum anonimi auctoris, edidit J. E. Rahmani, 1904, p. 106. См. также: A. Baumstark. Vorjustinianische kirchliche Bauten in Edessa. Oriens christianus, viertes Jahrgang, Roma, 1904, S. 171.

⁸ См.: Zum Kult der Bekenner. Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos aus dem Nachlass von Oscar v. Gebhardt, herausgegeben von Ernst v. Dobschütz. Leipzig, 1911, S. LVI—LXVI.

принести жертву языческим богам, которое отказывается выполнить христианин или группа верующих; „прение о вере“ между язычником, представителем власти, и христианином, причем этот диалог иногда разрастается широко, наполняется богословскими рассуждениями христианина и обвинениями его в „волшебстве и чародействе“, если мученик во время спора или в ходе мучений совершает чудеса; гиперболизированное, иногда до полного неправдоподобия, описание мучений, причем мучимый остается невредимым; чудесное исцеление мученика, если его истерзанного бросают в тюрьму, и, наконец, казнь „усечением головы“ и посмертные чудеса».⁹

По этой схеме, правда, значительно беллетризованной, построена одна из самых ярких сирийских легенд — о семи спящих отроках эфесских.¹⁰ Эти же моменты, за исключением последнего — посмертных чудес, речь о которых пойдет ниже, — можно выделить и в нашем сочинении.

Практические цели сочинения житийного жанра состояли в том, чтобы «учить христианской морали», «внушать представления о могуществе христианского бога» и т. д. Жития, возникавшие в огромном количестве, удовлетворяли в какой-то степени и потребность в беллетристическом чтении, так как, несмотря на их церковно-ритуальное назначение и схематичность повествования, читатель находил в них и описание волнующих событий, и определенную психологическую разработку характеров, и чисто беллетристические эпизоды, вводимые «агиографами иногда в помощь раскрытию основной житийной темы, а иногда с целью придания каноническому по форме повествованию особой занимательности». Но и эти беллетризованные сочинения ввиду их особых, чисто практических целей лежат вне сферы художественной литературы.

Легенду о Евфимии исследователи (издатель текста Ф. Но, О. Гебхардт, Урбина и др.) относят также к агиографической литературе, по-видимому на основании того, что в состав ее включен эпизод, где действуют святые. Однако этот эпизод, так же как и молитвы, обращенные к святым, составляют как бы второй, не главный, не существенный слой повествования, освобожденное от которого оно несколько не теряет ни в своей завершенности, ни в силе художественного воздействия.

В рукописи легенда представлена в соответствующем окружении (рукопись Национальной библиотеки в Париже), как составная часть коллекции житийных текстов.¹¹ Тем не менее нам представляется возможным выделить ее из этого круга как чисто художественное произведение, отвечающее всем установленным критериям.

Повесть о Евфимии, как нам кажется, возникла под влиянием хроники Иешу Стилита в той ее части, где он повествует о бедствиях, постигших Эдессу в связи с нашествием гуннов, и сетует на то, что «мучения, которые испытал каждый отдельный человек, таковы, что могли быть описаны в длинных историях».¹²

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. В кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 67. См. также: Х. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX веков, ч. 1. Пгр., 1914.

¹⁰ Об истории возникновения легенды см. в книге А. Крымского и М. Аттая «Семь спящих отроков Эфесских» (М., 1914). Там же даны переводы арабских версий VII—XIII вв. См. также: А. В. Пайкова. Старая сирийская легенда в новой арабской литературе. Сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», Л., 1969, стр. 101—104. Описание сирийской рукописи VI в. с текстом сказания включено Н. В. Пигулевой в ее «Каталог сирийских рукописей Ленинграда» (Палест. сборник, вып. 6 (69), стр. 140—142).

¹¹ Описание рукописи дано в статье: F. Nau. Hagiographie syriacque. Revue de l'Orient chrétien, t. V (XV), Paris, 1910, p. 53—66.

¹² Н. В. Пигулевская. Месопотамия, стр. 165.

Одной из таких историй является повесть о Евфимии. Несомненно, что автор ее читал хронику Иешу Стилита и, может быть, даже имел ее под рукой, о чем свидетельствует начало повести, почти дословно совпадающее с записью Иешу Стилита, только несколько шире раскрывая ее: «В году 707 по летосчислению греков вышли гунны, направляясь в страну ромеев, и завоевали ее, и взяли в плен ее жителей. Они шли, пока не достигли Эдессы. Из-за предательства, которое было, стратилат Аддай не дал жителям выступить против них. И по этой причине войска ромеев вошли в Эдессу и осели там на долгое время».¹³

Дальнейшее повествование Иешу Стилита лишь намечает тему, которая в повести находит полное художественное воплощение. Нашествие гуннов, их продвижение вплоть до Эдессы, прибытие союзных войск, бедственное положение города, установление мира, возвращение войск на родину и, наконец, второе нашествие гуннов — это историческая канва повествования, его тематическая первооснова, определенная хроникой. На фоне этих исторических событий в повести действуют герои, конкретные образы которых и их сложные взаимоотношения друг с другом — плод художественного вымысла автора.

Вымышлены герои и, хотя подобная история вполне могла произойти в действительности, следовательно, возможны прототипы героев, однако, изображая их, автор стремился подобрать детали таким образом, чтобы придать им обобщенный характер литературных персонажей.

Вымышлены имена героев, о чем свидетельствует нарочитость их выбора: Евфимия — пользующаяся доброй славой, благочестивая — для добродетельной девицы. Такой автор и представляет ее на протяжении всего повествования; София — мудрая — для ее матери, женщины осторожной и предусмотрительной, которая долго колеблется, прежде чем согласиться на уговоры гота отдать свою дочь ему в жены, а, согласившись, старается заручиться поддержкой святых и гарантией их защиты. Как явствует из дальнейшего, предусмотрительность эта не была излишней и привела в конце концов к счастливой развязке. Очевидно, что выбор имен — здесь чисто художественный, хотя, может быть, и не слишком изощренный прием.

Характеристики героев, резко противопоставленных друг другу, в основе своей прямолинейны и однозначны: Евфимия и София — невинность и мудрость, гот и его жена — вероломство и зло. Однако автор наделяет их и такими чертами, которые придают им характер живых, реальных людей. Так, в Софии он подчеркивает не только мудрость, но и чувство материнской любви и глубокое религиозное чувство. Не лишена она и житейского корыстолюбия (твердость Софии поколеблена не только обещаниями и клятвами гота, но и видом золота, которое он принес).

Достижению большей выразительности характеристик служит прямая речь героев: льстивые, угодливые слова гота, когда он говорит с Софией, жесткие холодные фразы, обращенные к Евфимии, когда он открывает свое подлинное лицо, истерические выкрики его жены, одержимой злобой и ревностью, высокий эмоциональный настрой монологов Евфимии, простая суровая речь священника.

Важно отметить, что исследователи древнерусской литературы рассматривают появление «героя с вымышленным именем и вымышленной биографией», так называемого «бытового» человека, «безвестного, ничем в исторической жизни страны не примечательного», в отличие от «истори-

¹³ История о Евфимии, дочери Софии и о чуде, которое было свершено с ними исповедниками Шамауню, Гурнем и Хабибом. См.: *Revue de l'Orient chrétien*, t. V, p. 67.

ческой личности», как новый этап в развитии литературы, в ее движении к реалистическому вымыслу.¹⁴

Такие обычные «средние» люди, «привлекающие внимание только лишь тем, что читатель мог узнавать в них многих, в том числе иногда и самого себя», действуют и в нашей повести, правда действуют подчас в не совсем обычных условиях.

Содержание повести сводится к следующему: среди ромейских воинов находился некий гот, который поселился у бедной вдовы Софии, матери Евфимии. Красивая девушка приглянулась солдату, и он стал просить ее руки, умолчав, однако, что был женат у себя на родине. Вернувшись к своей семье, он выдал Евфимию за служанку, но жена не поверила этой лжи и невзлюбила молодую сириянку, особенно после того как у той родился сын, к несчастью, очень похожий на своего отца. Не в силах перенести обиды, она решила убить ребенка, но в свою очередь была отравлена обезумевшей от горя матерью. В наказание за убийство Евфимия была замурована в могильном склепе рядом с трупом своей жертвы и обречена на мучительную гибель.

Это только первая часть повести, хотя, с точки зрения современного читателя, здесь имеет место полная логическая завершенность и вряд ли можно ожидать какого-либо нового поворота событий. Однако не следует забывать, что средневековая литература была в основе своей литературой назидательной. Этот характер ей придавали библейские цитаты, разного рода нравоучительные сентенции и примеры из жизни святых, а также проповедь идеи о торжестве справедливости. Поэтому автор не счел возможным оставить свою добродетельную героиню в бедственном положении. Чтобы выйти из этого затруднения, он использует уже готовое сочинение — знакомое нам житие святых Гурия и Шамуны и искусно вплетает его в свое повествование.

Замурованная в склепе Евфимия обращается с молитвой к святым, и они чудесным образом за одну ночь переносят ее в Эдессу.

Развязка оформлена здесь посредством привлечения персонажей в духе «*deus ex machina*» (прием, нашедший широкое применение в античной трагедии) с целью разрешения конфликта вмешательством извне.

Таким образом, Евфимия была спасена, и справедливость восторжествовала, однако зло оставалось еще не наказанным.

Вскоре после возвращения девушки в Эдессу — новое нашествие гуннов, и в составе ромейского войска в город вновь прибывает гот. Один из жителей узнает его и сообщает епископу: вероломный гот разоблачен, осужден, обезглавлен.

Как мы уже говорили, легенда отражает реальные исторические события. Однако эти события изложены не в их обычной временной последовательности, а произвольно, в соответствии с требованиями развития сюжета, что вообще характерно для произведений художественной литературы.

Второе нашествие гуннов, как сообщают историки, было почти сто лет спустя после первого.¹⁵ Ввиду того что автору нашего повествования необходимо было вместить оба эти события в рамки жизни одного поколения, чтобы со второй волной вернуть гота в Эдессу и вновь столкнуть его с Евфимией и Софией, он сближает по времени первое и второе нашествия, сокращая разрыв между ними до нескольких лет.

¹⁴ Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. В кн.: Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 111, 113.

¹⁵ В Эдесской хронике VI в. приводится 843 г. (по селевкидской эре), когда гунны вновь вторглись в ромейские пределы. См.: *Chronicon Edessenum*, p. 415.

Таким образом, повесть о Евфимии, написанная на темы исторической хроники Иешу Стилита, но отличная от нее своей сюжетностью, является как бы иллюстрацией к ней, представляя законченное художественное произведение с вымышленными героями, яркой характеристикой образов, с большим вниманием к организации прямой речи как выразительному средству этой характеристики, с сознательным нарушением временной последовательности действительных событий.

Составляя как бы продолжение жития святых Гурия и Шамуны, так как именно в этих рамках они совершают свое посмертное чудо, повесть о Евфимии не совпадает с ним ни по характеру изложения, ни по конечным практическим целям. Если одно из сочинений представляет традиционное мученичество со всеми характерными для агиографии особенностями, то второе — светская бытовая повесть с авантурным сюжетом. Единственный эпизод, в котором действуют святые, не может иметь определяющего значения, так как он не несет основной идейной нагрузки, а включен всего лишь как вспомогательный.

Итак, рассмотренные нами произведения составляют единую цепь из трех звеньев, и в слиянии исторического и агиографического повествований следует искать, по-видимому, истоки беллетристических жанров в сирийской литературе. Вторым примером такого рода может служить сирийский роман о Юлиане Отступнике,¹⁶ где исторические и агиографические мотивы сплетены не менее причудливым образом, чем в повести о Евфимии.

Сирийской литературе суждено было угаснуть прежде, чем эти жанры оформились окончательно, однако предпосылки к их развитию, несомненно, были.

A. V. Paykova

TO THE PROBLEM OF ORIGIN OF THE FICTION IN SYRIAC LITERATURE

The article is devoted to the character of Syriac Legend of Euphemia which is considered as a literary monument based on «The chronicle of Joshua the Stylite» and «Acts of martyrdom of the Confessors of Edessa Gurya, Shamona and Habib».

The merging of historic and agiographic motives is one of the ways of development of fiction genres (narrative and novel) in Syriac literature.

Syriac literature was to die away before these genres have been finally taken shaped, but however some premises to their development, as one may see, existed.

---

¹⁶ J. G. E. Hoffmann. Julianos der Abtrännige. Syr. Erzählungen, Leiden, 1880; A. Asmus. Julians autobiograph. Mythos als Quelle des Julianusromans. ZDMG, 68, 1914, S. 701—704; A. Baumstark. Geschichte, S. 183; Th. Nöldke. Über den syrischen Roman von Keiser Julian. ZDMG, 28, 1874, S. 163—292.